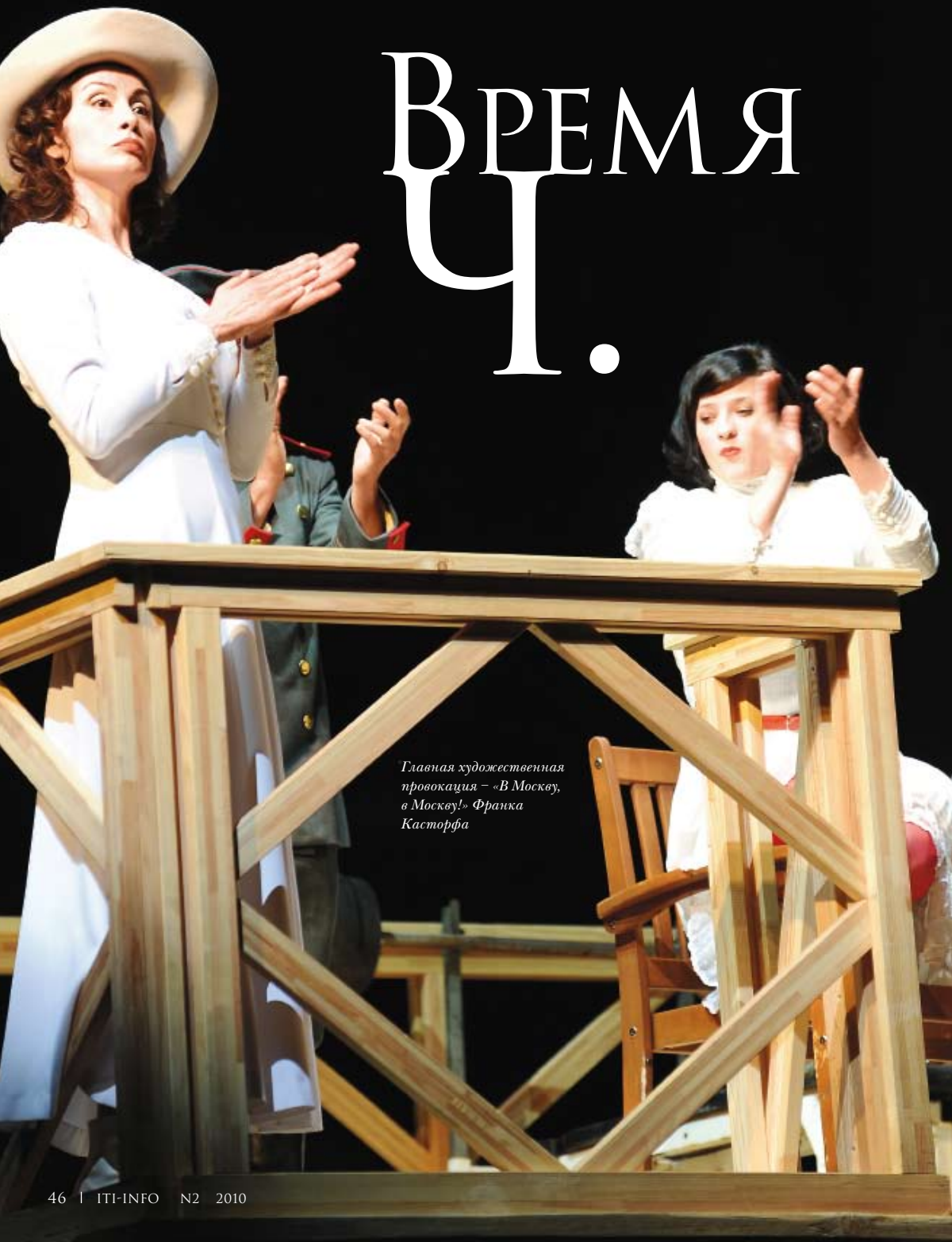

ВРЕМЯ Ч.

Главная художественная провокация – «В Москву, в Москву!» Франка Касторфа

Главный международный фестиваль России, носящий имя Чехова и проходящий раз в два года, в этом году имеет необычный формат. Во-первых, он проходит внепланово, во-вторых, полностью связан с Чеховым, который раньше очень редко появлялся на его афишах.

Этим мы обязаны 150-летию Антона Павловича и творческой активности директора фестиваля Валерия Шадрина, который убедил самых разных корифеев мирового театра – в том числе потому, что согласился участвовать в финансировании некоторых постановок, – обратить внимание на Чехова и создать спектакль на тему «Мой Чехов».

В итоге кто-то погрузился в Чехова с головой, а для кого-то он послужил отправной точкой, о чем говорят уже названия спектаклей: «Шерри-бренди», «Шепот цветов», «Безымянный яд», «Донка», «Бесконечный сад», «Братья Ч.», «Сочинение по случаю», «Тарабумбия» и так далее. Кроме того, нынешний фестиваль предельно раздвинет жанровые рамки чеховианы – до балета и даже цирка. Впрочем, главную художественную провокацию мы, похоже, уже увидели – спектакль «В Москву! В Москву!» немецкого радикала Франка Касторфа, объединившего «Трех сестер» с «Мужиками» и добавившего к этому мезальянсу много хлесткой отсебятины. Ничтоже сумняшеся, господин Касторф заставляет малосимпатичных инфантильных Прозоровых и прочих вершининых от-

вечать перед лицом истории за то, что в их стране воцарились всякие наташи (воцарились – буквально: в финале Наташа в царской шапке восседает на стуле и разглагольствует о народе-богоснопе).

Французский хореограф Жозеф Надж («Шерри-бренди») соединил в своем спектакле положения теории множеств математика Георга Кантора, стихотворение Осипа Мандельштама «Я скажу тебе с последней прямою», один из самых страшных «Колымских рассказов» Варлама Шаламова – о смерти Мандельштама – и «Лебединую песню (Калхас)» Чехова.

Японский хореограф Дзё Канамори вдохновился «Черным монахом» и «Палатой № 6» – но не чеховскими сюжетами, а «чеховским страданием». Швейцарец итальянского происхождения, создатель поэтического авторского цирка «Сунил» Даниэле Финци Паска за сюжетом своего спектакля отправился в Таганрог, увидел чеховский домик, выучил слово «донка» (удочка с колокольчиком для ловли глубоководных рыб) и придумал спектакль, за который его, возможно, под-

Создатель поэтического авторского цирка «Сунил» Даниэле Финци Паска за сюжетом своего спектакля («Донка») отправился в Таганрог

вергнут обструкции иные цирковые (ну что это за цирк, где столько трюков заканчивается провалом?), но поймут почитатели Чехова, для которых крик: «Пропала жизнь» – не пустой звук.

Еще два культовых хореографа – тайванец Лин Хвай Мин и швед Матс Эк – выбрали «Вишневый сад». Лин Хвай Мин попытался расслышать «Шепот цветов» (название его версии чеховской пьесы) и разглядеть покойную маму Раневской, которая идет по саду, – словом, все то, что не видно и не слышно обычному глазу и уху, – то есть самое главное. Одна из примет этого сада – ветер, который сначала замечает сцену нежными лепестками роз, а после – черными прядями волос. Смерть, распад «входят» в уникальную пластику танцоров, как никто в мире умеющих соединять технику восточных единоборств и классического балета. Но по ту сторону уникального светового занавеса к обитате-

«Шепот цветов» Лин Хвай Мин

«Шепот цветов» Лин Хвай Мин

лям вишневого сада возвращается вселенский покой.

Из российских премьер нас ожидают «Чехов-гала» по одноактовкам Антона Павловича в постановке Алексея Бородина и «Сочинение по случаю» («Человек в футляре») Дмитрия Чернякова, который все последние годы слывет главной надеждой оперной режиссуры, – а также «Братья Ч.» в постановке Александра Галибина по пьесе Елены Греминой, посвященной непростым отношениям между сыновьями Павла Егоровича Чехова. По настроению пьеса Греминой очень похожа на книгу Дональда Рейфилда о Чехове и буквально «прошита» мотивами и даже прямыми цитатами из чеховских пьес. Но главная тема – рождение в атмосфере перегорающих любовей, непонимания близкими, такими ненавистными и такими любимыми, в свете литературной поденщины огромного таланта, в первую очередь – таланта человеческого – сыграна актерами удивительно точно.

Завершать фестиваль предстоит живому классическому мировому хореографу Начо Дуато, к балетам которого постепенно приобщается и русская публика («Na floresta» в Музыкальном театре им. Станиславского и Немировича-Данченко, «Потерянное сердце», поставленное для Светланы Захаровой). Последний аккорд фестиваля уже никак не связан с Чеховым, но точно перекидывает мостик к следующему фестивалю, который пройдет в 2011 году под лейблом «Мировая серия». Знаменитый балет Начо Дуато «Многогранность. Форма тишины и пустоты» был поставлен еще в 1999-м по заказу Веймара – тогдашней культурной столицы Европы. Краткий байопик, повествующий о драматичной жизни «главного композитора мира», Баха, сменяется абстрактной частью – гимном музыке и многогранности ее форм, многие из которых открыл именно Бах. Сам Начо Дуато, который всерьез стал заниматься балетом лишь в восемнадцать (до этого

«Чехов-гала». Алексей Бородин

«Многогранность. Форма тишины и пустоты». Начо Дуато

тайком повторял движения за сестрами-балеринами, боясь насмешек родных и близких), возможно, станцует в Москве главного героя, композитора – повелителя и пленника звуков-танцоров, слушающих его смычка, но готовых вмиг захлестнуть его. Одна из кульминационных сцен балета – знаменитый дуэт Баха и его музы – виолончели: сладкая мука рождения музыки – давно уже стала хитом многих балетных фестивалей. Теперь и москвичи смогут вживую увидеть этот шедевр. «В каждой музыке Бах» – и каждый текст доктора Чехова рожден из духа музыки.

«Многогранность. Форма тишины и пустоты». Начо Дуато

THE TIME OF CH.

RUSSIA'S MAIN INTERNATIONAL FESTIVAL, NAMED AFTER CHEKHOV, TAKES PLACE TWICE A YEAR, AND THIS YEAR IT IS PRESENTED IN AN UNUSUAL FORMAT. FIRST OF ALL, IT IS TAKING PLACE OUTSIDE ITS REGULARLY SCHEDULED TIME; SECONDLY, IT IS FULLY ASSOCIATED WITH CHEKHOV, WHOSE NAME, UNTIL NOW, RARELY APPEARED IN THE FESTIVAL'S PROGRAMS.

WE owe that to Anton Pavlovich's 150th anniversary and to the artistic energy of festival's managing director Valery Shadrin, who convinced numerous leading figures of international theater – partly because he agreed to become involved in financing of joint productions – to turn their attention to Chekhov and to create a show on the subject of “My Chekhov”.

As a result, some of those artists buried themselves in Chekhov, while for others he served as a starting point, which is demonstrated by the very titles of the performances: “Cherry-Brandy”, “The Whisper of Flowers”, “Nameless Poison”, “DONKA”, “The Infinite Orchard”, “The Brothers Ch”, “Composition ad hoc”, “Tararabumbia” and so on and so forth. In addition, the current festival will expand to the maximum the scope of the genre – to include ballet and even the circus. Though, admittedly, it looks like we have already seen the main artistic provocation – the production titled “To Moscow! To Moscow!” by a German radical Frank Castorf, who combined Chekhov's “Three Sisters” with “Peasants” and topped this misalliance with a lot of scathing ad-libbing. Without a moment's

*“Multiplicity,
Forms of Silence
and Emptiness”*

USTING EROSTISIM ET
AD ERO DELIS AMETUM
VELIQUI TAT. PUTAT IRIL
UT INIAMET NOSTO DO
ODOLENIM NIBH EXERCI
ENIBH ENDIT IURERAE
SEQUAM DOLORE DO
CONSEQUAT, QUISCIN

hesitation, Mr. Castorf forces unattractive infantile Prozorovs and other Vershinins to answer before history for allowing some Natashas to reign in their country (the word “reign” is meant literally: at the end of the show Natasha sits on a chair in a royal hat and spouts off about the Chosen People).

French choreographer Josef Nadj (“Cherry-Brandy”) combined in his production the various points of Georg Cantor's theory of sets, Osip Mandelstam's poem “I will tell you the utmost candor”, one of Varlam Shalamov's scariest “Kolyma Tales” – about the death of Mandelstam – and Chekhov's “Swan Song (Kalhas)”.

Japanese choreographer Jo Kanamori was inspired by “The Black Monk” and “Ward No. 6” – but not by Chekhov's stories themselves, but rather by “Chekhov's torment”. Daniele Finzi Pasca, a Swiss of Italian descent, the founder of Teatro Sunil – a poetic author's circus, – headed to Taganrog in search of a story for his show, saw Chekhov's house, learned the word “donka” (a

"The Whisper of Flowers"

weighted line for bottom-fishing) and came up with a performance that will probably be subject to obstruction on the part of certain circus aficionados (after all, what kind of a circus is it, where so many stunts end in failure?), but will be understood by Chekhov's readers, for whom the cry "Life is over" is not an empty phrase. Two other cult choreographers picked "The Cherry Orchard" – Taiwanese Lin Hwai-min and Swedish Mats Ek. Lin Hwai-min attempted to hear "The Whisper of Flowers" (the title of his version of interpretation of Chekhov's play) and to make out Ranevskaya's late mother, walking along in

the orchard – in short, all the things that cannot be seen nor heard by ordinary eyes and ears – in other words, that which is most important. One of this orchard's omens is the wind that covers the stage first with delicate rose petals and later – with black strands of hair. Death and disintegration "make up" the unique plasticity of dancers, who are capable of combining the martial arts technique with classical ballet like no one else in the world. But universal calm descends upon the residents of the cherry orchard on the other side of the unique curtain of light.

Among the Russian productions the audience can look forward to "Chekhov Gala", a composition based on Anton Pavlovich's five one-act plays and directed by Alexei Borodin, and "Composition ad hoc" ("The Man in a Case") by Dmitri Tcherniakov, who has in recent years developed a reputation for being the opera direction's main hope, as well as Alexander Galibin's "The Brothers Ch" that is based on a play by Yelena Gremina, dedicated to the complicated relations

"To Moscow! To Moscow!"

"Chekhov Gala"

between the sons of Pavel Egorovich Chekhov. The mood of Gremina's play is very similar to Donald Rayfield's book about Chekhov and is practically "threaded through" with motifs and even direct quotations from Chekhov's plays. But the actors managed to convey with astonishing precision its main theme – the birth of an enormous talent, (a human talent, first and foremost), in the atmosphere of combusting loves, the lack of understanding on the part of the family, of people so hated and so loved, in the bustle of literary hackwork.

The honor of concluding the festival falls to the living classic of international choreography Nacho Duato, whose ballets are gradually becoming more familiar to the Russian audience as well ("Na Floresta" at the Stanislavski and Nemirovich-Danchenko Music Theater, "Cor Perdut" ("Lost Heart"), produced for Svetlana Zakharova). The festival's final chord has no longer anything to do with Chekhov, but it makes a perfect segue to the next festival, which will take place in 2011 under the label

"The Whisper of Flowers"

"DONKA"

of "World Series". Nacho Duato's famous ballet "Multiplicity. Forms of Silence and Emptiness" was produced back in 1999, commissioned by Weimar, which was then designated as Europe's Cultural Capital. A brief biopic recounting the dramatic life of "the world's chief composer", Bach, gives way to an abstract part – a hymn to music and the multiplicity of its forms, many of which were discovered by Bach himself. Nacho Duato, who only began studying ballet in earnest at the age of eighteen (until then, afraid of being mocked by his family, he would secretly repeat the moves after his ballerina sisters), might himself dance in Moscow the part of the main character, the composer who is both the ruler and the prisoner of sounds (represented by other dancers), that were obeying his bow, but were ready to engulf him at any moment. One of the ballet's culminating scenes is the famous duet of Bach and his muse, the cello: the sweet torture of the birth of music has long become a hit of many ballet festivals. And now Moscow residents will also be able to see this masterpiece live. "Bach is present in every music" – and doctor Chekhov's every text is born out of the spirit of music.